

11 ФЕВ 1981

Орловская Правда

К 150-летию со дня рождения Н. С. Лескова

«ОН... ПРОНЗИЛ ВСЮ РУСЬ»

На полях книги «Житие одной бабы» в старом издании собрания сочинений Н. С. Лескова кто-то пометил: «посмотреть у Бунина».

Что имел в виду автор этой пометы: вспомнилось ли ему при чтении поэтической и жуткой повести Лескова что-нибудь конкретное из Бунина или это «Житие» в целом поразило его жестокой правдой и щемящей поэзией старой деревни?

Перечитываем «Житие» и по-новому замечаем, с какой великой любовью и жалостью написан Лесковым образ несчастной Насти:

«...Пригожа была девушка. Высокая была, черноволосая, а глаза черные, щечки румяные, губки розовые, суховата только была...»;

«...к работе мужичьей она была привычна...».

«...и избы курной не болалася...».

«...певала песни чуткие, больные, ноющие».

«...была добрая и кроткая...».

И вдруг вспоминаем, что ведь так же рассказывал и Бунин о девушке Аглае:

«...народ дивился ее милости: золотисто-белый цвет ее продолговатого лица

чуть играл тонким румянцем; брови у ней были густые, светло-русые, глаза синие; легкая, ладная, — разве что не в меру высокая, тонкая и долорукая...».

«...милы были ей и черная изба, и горячая лучина в светце».

«...была нежна, бела, синеглаза, а работу любила простую, грубую».

Может быть, «Житие» Лескова напомнило бунинскую Аглаю, ведь своеобразные «жития» же создал и Бунин (рассказ относит к числу своего рода «житий» О. Н. Михайлов).

Однако эти два произведения писателей различны и по объему, и по содержанию. Первое — пространное повествование с целой галереей действующих лиц, с цепью событий, с жалостью к народу, страдающему в тесноте, в темноте, в грубости: «Теснится народишко на просторной Руси и трудно ему рассмотреть в волоковое окно свои нечисти». Писатель восклицал с горечью: «Эх, Русь моя, Русь родимая! Долго ж тебе валандаться с твоею грязью да нечистью». И вспоминаются слова М. Горького: «Он, Лесков, пронзил всю Русь».

Второе — бунинское — предельно сжатое, символическое, как икона. В кратком «житии» Аглая будто рассказана между строк вся скорбная «повесть о том, как ушла Русь из Киева в леса и болота непроходимые, в любяные городки свои, под жестокую державу московских князей, как терпела от смут, междоусобий, от свирепых татарских орд и от прочих господних кар — от мора и глада, от пожаров и небесных знамений». И опять же Горький в похвалу этому рассказу заметил, что Бунин написал его, «точно старый мастер икону».

А в то же время удивительно близки друг другу эти два произведения: близки по их глубокой народности и трагичности, по красоте и поэтичности образов Насти и Аглаи, которые теперь в такой удаленности, но так пронзительно возникают перед нами в своей горькой покорности и в своей миловидности как образы старой русской деревни.

Но вернемся к помете неизвестного читателя старой книги. Она указывает, кажется, еще и на нечто другое.

Помета сделана в непосредственной близости к стра-

ницам, где описано роковое свидание Насти и Степана в поле, когда «свечерело», и потом, когда, «увидя забелевшуюся на небе полоску зари», Степан сказал: «Пора ко дворам, Настя», — и проводил ее «до самого прокудинского задворка».

Не вспомнилось ли на этом месте автору пометки стихотворение Бунина «В поздний час мы были с нею в поле»? Там так же прошла над любовниками вся летняя ночь, а на заре герой «тихонько разбудил» свою подругу.

Сходство лирической ситуации можно, конечно, рассматривать как случайное. Но сходство не только в этом. Настя у Лескова «хотела проговорить хоть только: «Не целуй меня так крепко; дай отдохнуть!». А героиня Бунина «просила нежно»:

«Убаюкай, дай мне отдохнуть,

не целуй так крепко и мятжно...».

Буквальное совпадение этой реплики при полном сходстве ситуации вряд ли уже можно считать совпадением случайным.

Герой бунинского свидания остались неизвестными,

как не выяснена и их жизненная коллизия, но представлять их непременно непростоллюдинами можно только под воздействием изящества стихотворной формы. Но дело и не в этом. Просто думается, что рассказ Лескова о свидании Насти и Степана в поле в силу его поэтичности, трогательности и драматизма мог бы составить в отдельном своем виде законченное в художественном плане произведение в характере бунинских коротких рассказов.

Это рассказ о проявлении среди грубости, нелепостей и жестокостей «Жития» трогательных человеческих чувств, о пробившейся там короткой радости жизни. Он, выделяясь на общем фоне «Жития», как бы имеет особую свою цену и право еще и на отдельное свое существование в качестве отрывка.

Может быть, так и увидел его когда-то Бунин и, видимо, поэтому, если стихотворение это действительно своим происхождением обязано «Житию», озаглавил его первоначально именно так — «Отрывок».

Г. РЕУТОВ.